

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА-КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ИДИОСТИЛЯ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы, во-первых, раскрыть семантическую структуру образа-концепта «Любовь» в концептосфере идиостиля Людмилы Петрушевской, во-вторых, показать работу языкового механизма включения мира субъективных образов автора в канву концептуальной картины мира (универсальной и национальной).

The purpose of this study is firstly, to reveal the semantic structure of the image concept of "Love" in Ludmila Petrushevskaya's concept sphere, secondly, to show the work of the linguistic mechanism of inclusion of the world of L. Petrushevskaya's subjective images to the canvas of a conceptual picture of the world (universal and national)

Ключевые слова: Людмила Петрушевская, идиостиль, концепт, образ-концепт, концептосфера, семантическая структура, сценарий культурного концепта.

Key words: Lyudmila Petrushevskaya, idiostyle, concept, image concept, concept sphere, the semantic structure of the concept, the scenario of a cultural concept.

Семантическая модель концепта «Любовь» выглядит, по С.Г. Воркачеву, следующим образом:

– семантическое ядро данной модели образуют дефиниционные признаки, связанные с ценностью («благом»): сам признак «ценность» идентифицирует любовь со сферой аксиологически-оценочных эмоций, признак положительности этой ценности противопоставляет любовь ненависти и безразличию, признаки центральности этой ценности в системе личностных ценностей субъекта, немотивированности выбора объекта и индивидуализированности объекта отделяют любовь от других видов положительного эмоционального отношения;

– ближайшие семантические признаки любви связаны с ядерными имплицативно – они из них выводятся – и в большинстве случаев представляют собой своего рода реакцию субъекта на центральность ценности объекта: готовность идти на жертвы ради сохранения объекта в своей жизненной сфере, благожелание, забота о нем, ответственность за сохранение любовных отношений, постоянство, преданность;

– все остальные признаки являются избыточными и отправляют преимущественно к условиям возникновения и протекания этого чувства: стрессовость, динамизм, алфавитность, ресурсность, «оптический сдвиг», соматика и пр. [1, с. 191].

Доминирующим в структуре концепта «Любовь» в русском языковом сознании оказывается семантический признак «взаимопонимание»,

далее по рангу идут (2) «влечение»; (3) «доверие»; (4) «гармония»; (5) «тревога»; (6) «готовность прощать», «бескорыстие»; (7) «уважение», «жертвенность», «верность/преданность», «страсть», «эйфория», «взаимность», «смысл жизни», «счастье»; (8) «желание», «привязанность», «обман», «болезнь»; (9) «идеализация», «Я в другом», «симпатия», «наслаждение». Десятое место по рангу занимают однократные упоминания признаков («удовлетворение», «чувственность», «нежность», «взаимоотдача», «приспособление к другому», «несвобода» (зависимость), «близость» (быть рядом), «поцелуй Бога», «гармония со Вселенной» и пр.) [1, с. 207].

В концептосфере Л. Петрушевской в семантической структуре концепта «Любовь» могут быть выделены следующие когнитивные сегменты: «любовь-семья»; «любовь-страсть»; «любовь-мечта».

Концепт «Любовь» в картине мира Л. Петрушевской пересекается с концептом «Семья». Связь данных концептов в произведениях автора подчеркивается использованием лексем «брак»: *«В браке есть тоже нечто общепринято-бесстыдное, освященное будущим появлением детей»*; «семья»: *«Дальше была жизнь, гимн семье»*; «семейная пара»: *«А Ира с Владиком уже разделись, идут в воду, глядите, семейная пара, он ее поддерживаает»*; «муж»: *«... и он взял у нее из этой бесчувственной руки ее сумку, как делают все мужья»*; «жена»: *«... и она, как каждая жена, вскипает, моя посуда»*. Однако подобные номинации в текстах Л. Петрушевской не всегда соответствуют статусу, занимаемому героями. В основе употребления данных лексем вне социального фактора может лежать сходство в поведении героев и семейных пар (в подобных случаях автор прибегает к широким обобщениям): *«Он чуть ее не поцеловал, как после долгой разлуки, но тут же крепко взял ее под руку со словами «ну где ты ходишь, ну как так можно, успокойся», и он взял у нее из этой бесчувственной руки ее сумку, как делают все мужья»*; восприятие героиней любимого как самого родного и особенного в ее жизни человека: *«Самое главное, что она даже не знала полного имени своего мужа – А я так его называла, мой муж»*; напластование и смена образов-ролей жены и любовницы: *«Она зачем-то обращалась за утешением к своему любимому мужу, который ей только что изменил с другой. <...> Он сразу ей сказал, что это неожиданно приехала жена. <...> Она поняла, что Алешенька предусмотрительно запер дверь изнутри, его жена не могла знать этого секретика! Алешенька запер дверь, боясь, что придет она, Дарья!» [не жена].*

Концепт «Любовь» в картине мира Л. Петрушевской пересекается с концептом «Страсть», представленным в произведениях автора импли-

цитно. Связи данных концептов служит концепт «Тоска», семантические компоненты которого – «Печаль», «Жалость» – присутствуют в обоих концептах: «Да, это с ними произошло, самое большое несчастье. *Печаль светится в их глазах, чуть ли не слезы стоят*»; «... наша Кармен вся *светилась любовью, жалостью, как будто растерялась, потерялась...*».

Единство концептов «Любовь», «Страсть» подчеркивается использованием эпитета «*пылкий*» в сочетании с лексемой «роман», эпитетов «*опасная*», «*смертельно опасная*», «*бешеная*» в сочетании с лексемой «любовь». Одним из средств языкового выражения описываемого чувства выступает метафора взрыва: «*Огонь в крови, что называется, цепь химических реакций, буквально в преддверии атомного взрыва!*» Присутствие в данном когнитивном сегменте элемента «Опасность», который содержится в образе-концепте «Страсть», предполагает невозможность существования влюбленного без объекта любви: «*Аник звонила мне и очень хотела опять приехать сюда, жаловалась на тоску, на то, что не может жить как раньше*»; «*Опасная последняя любовь, смертельно опасная для обеих сторон. Он мог погибнуть. И Рине пришлось бы погибнуть*». Следовательно, чувство, репрезентируемое на стыке концептов «Любовь», «Страсть» и «Тоска», наиболее выразительно проявляется в ситуациях расставания или ожидания, предчувствия разлуки: «*Стон стоял в душах разлучавшихся влюбленных, еженощные вопли прощания. Но это только распяляло взаимную тягу, это постоянное слово «нельзя» и «надо*». Так в картине мира Л. Петрушевской обнаруживается единство концептов «Страсть» и «Страдание». Внешним проявлением связи этих концептов служит описание внешности героев, которая подается автором в динамичном плане: «*У Со мокрые кудри как у какой-то итальянской артистки, крупная стружка, черные глаза горят*» – «*Она тоже выглядела не ахти, с обветренным ртом, запавшими глазами. Уезжали из лагеря на автобусах, Со и Владик на заднем сиденье, оба серьезные, исхудавшие, взрослые, держатся за руки*». Страдание в произведениях Л. Петрушевской сопровождает любовь-страсть на всех этапах развития чувства, постепенно все с большей силой проявляясь в сознании героев: «*Однако и на нем уже была эта печать страдания, прощания, тоски, которая сопровождает любовь. Как бы летя с высокой горы, человек сжимает губы и каменеет, вся воля направлена на последний удар о подножие – но не остаться в живых, нет, тут не об этом идет речь, а речь идет о приближении чего-то пострашнее, и тут человек одинок. Рядом мчится вниз его любовь, и она должна растаять в другом направлении, сейчас пути разойдутся. Дело не в личной смерти, не о том идет речь, дело именно в вечной разлуке*». Поэтому в произведениях Л. Петрушевской влюбленные воспринимаются окружающим

миром как чужие, «обреченные»: «... толпа их тоже как бы отбраковывает, не одобряет, отшатывается – даже в общей свалке они какие-то обреченные, не свои». Но противопоставление концептов «Свой» – «Чужой» реализуется в концептосфере автора и в обратном направлении: герои также отделяются от окружающих, которые выступают в их сознании как «чужие»: «... они двое любят друг друга и отделены ото всех»; «Они встали и ушли от костра. Все. <...> Со осталась без своей компании, Владик увел ее от ребят...». Более того, возникновение любви-страсти в произведениях Л. Петрушевской сопровождается частичным исчезновением объективной реальности в сознании героев: «Теперь каждый вечер она семенила домой, на работе сидела **как во сне** и **как во сне** пребывала дома, делала все то же, то есть стирала, убирала, готовила, бегала по магазинам, но **все в полной отключке**, потому что каждый вечер приходил Он...».

Таким образом, любовь-страсть в концептосфере Л. Петрушевской реализуется следующим сценарием: это сильное, всепоглощающее чувство, с момента возникновения сопровождаемое страданием и тоской, завершающееся, как правило, разлукой, равносильной для одного из героев смерти.

Концепт «Любовь» в картине мира Л. Петрушевской пересекается с концептом «Мечта». Связь данных концептов подтверждается использованием в произведениях автора лексемы «мечта»: «И (думала Маша) если мечту так и удерживать на расстоянии, сколько будет слез, какие чувства, каждое движение Владика станет событием, **о любовь**...». Одним из средств языкового воплощения когнитивного сегмента «любовь-мечта» являются также метафора «страна птичьих снов»: «Владик выбрал первое, не желая ничего вечного, серьезного, ему, наверно, хотелось плыть по жизни легко, срывая цветы встречных-поперечных лилий и кувшинок. **Вечно скользить в стране птичьих снов**»; и метафора танца: «Жизнь была полна любви, героиня умирала, как мы все умрем, в бедности и болезнях, **но по дороге был вальс при свечах**».

Связи концептов «Любовь» и «Мечта» в концептосфере Л. Петрушевской служит концепт «Пространство»: «Прошлая любовь привязывает к месту больше, чем к человеку». Чувство «любовь-мечта» в произведениях автора, как правило, предполагает создание героем в своем сознании некоего идеального образа объекта любви, который желанен и привлекателен лишь на расстоянии, в своей нереальности, недостижимости: «У юных дев есть такая манера – **влюбиться издалека**, найти в толпе лицо и облик и смотреть, смотреть»; «Но как только из легкого тумана высовывается простая, крепкая морда, выступает кадык, пиджак, воротник, **приближается эта проза, желваки жизни, так мечта довольно быстро упаривается**, прощай, страна птиц».

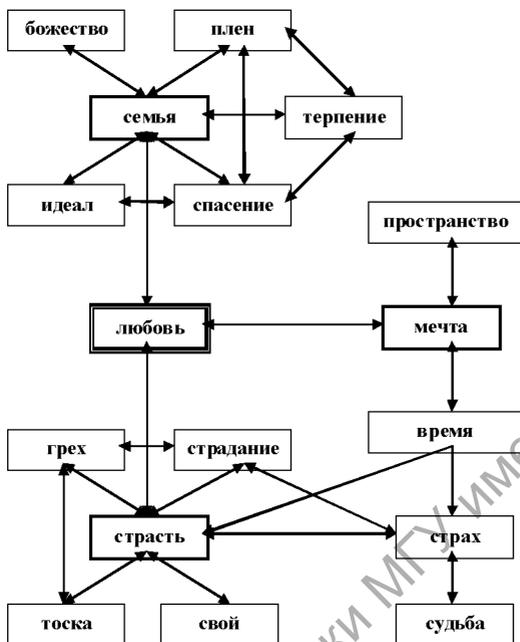

Рис. 1

Концепт «Любовь» в картине мира Л. Петрушевской обнаруживает точки пересечения и с концептом «Время». Чувство «любовь-мечта», будучи неутоленным вследствие своей аморфности, может сопровождать героя на протяжении всей его жизни, превратившись в наваждение: «*Это была, видимо, модель, которая потом не раз повторится в жизни, – то, что уходит в страну птичьих снов, что покидает, не дается, что становится наваждением*». Таким образом, любовь-мечта в концептосфере Л. Петрушевской реализуется следующим сценарием: это чувство на грани любви, мечты и мании, предполагающее наличие в сознании героя идеального образа объекта любви и основанное на сознательном отказе от сближения с ним, от достижения воплощенной в нем мечты.

Семантическая структура сегментированного образа-концепта «**Любовь**» в концептосфере Л. Петрушевской может быть представлена в виде схемы (см. рис. 1).

Литература

1. Воркачев, С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании / С. Г. Воркачев // Коммуникативные исследования – 2003 : современная антология. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 189–208.